

УДК 1: 130.123 (575.2) (04)

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ
ДЕСТРУКТИВНОСТИ «ЧЕЛОВЕКА ПОЛИТИЧЕСКОГО»**

В.П. Тутлис¹

This article expresses the thought, that destruction of public relations during information revolution means disintegration of the person as the political essence.

Ключевые слова: человеческое бытие, «человек политический», «человек экономический», политический мир, сфера экономики, политика, экономика, социальная активность, власть, информационные технологии.

Понятие «человек политический» окончательно сложилось в XIX в. как противопоставление «человеку экономическому», когда и мир политический, и сфера экономики оформились в самостоятельные реальности. Однако еще Аристотель в «Политике» поставил вопрос о природе человека и в самом начале своего фундаментального исследования писал: «...человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, либо недоразвитое в нравственном отношении существо, либо сверхчеловек...» [1. С.378]. Эта идея была отвергнута в средневековье, когда в религиозном сознании произошло удвоение мира на мир посюсторонний и потусторонний, на Град земной и Град Божий. Человек теперь стал пониматься как совершенное существо,

но не в качестве общественного животного, а в качестве создания Бога, его образа и подобия. Вот почему истинное существование человека – не политическое, но религиозное, выражающееся в непосредственном отношении человека к Богу и снисхождению Бога к человеку.

Только Б. Спиноза в своих философско-политических трудах «Богословско-политический трактат» (1670) и «Политический трактат» (1677) вновь поставил задачу «...вывести из самого строя человеческой природы его то, что наилучшим образом согласуется с практикой». Он был убежден, что каждый человек имеет верховное право на то, чтобы существовать и действовать сообразно с тем, как он к тому естественно предопределен, а стало быть, заниматься политикой, если такова его природа. Таким образом, для Б. Спинозы быть «человеком политическим» – право его разумного и свободного выбора: «Из людей наиболее своеправны те, разум которых наиболее

---

¹ Тутлис Вадим Петрович – кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой философии и социально-политических наук КРСУ.

обширен и которые наиболее им руководствуются» [5. Гл. II]. В противовес классическому рационализму А. Шопенгауэр заявил, что не разум, а воля и представление людей раскрывают сущность человека. И эта сущность, как уточнил Ф. Ницше, определяется волей к власти. А где власть, там и политика. Иными словами, мысль, что человек есть существо политическое, получила теперь обоснование и с точки зрения иррационализма. Но, как считал К. Маркс, гораздо больше человек есть существо деятельное, и его базисные устремления лежат не в области политики, а в области экономики. Следовательно, человек – существо экономическое, «человеком политическим» он становится только для защиты и реализации своих экономических интересов.

С высоты современной науки все эти точки зрения имеют право на существование, поскольку современный постмодернизм исходит из принципиальной установки на разнообразие познавательных процессов. Однако постмодернизм сам по себе не обладает высокой эвристической ценностью. Он не имеет идейного стержня, и это неизменно оборачивается бессвязностью взаимоотрицающих представлений. Решающими же для определения природы человека стали конкретные исследования в области политической антропологии. Уже на рубеже XIX–XX вв. в научном сообществе получили широкое признание работы М. Глюкмана, Г. Мейне, Л. Моргана, Дж. Фрезера, Е. Эванса-Притчарда. Все эти авторы исследовали жизнь примитивных и архаических обществ, сумев доказать наличие здесь политических институтов. В качестве даты институционализации полити-

ческой антропологии иногда называют 1940 год, когда вышла работа «African Political Systems», написанная под руководством Е. Эванса-Притчарда и М. Фортеса, где были обобщены известные к тому времени исследования антропологов [3. С. 178]. Именно эти данные позволили переосмыслить многие проблемы философии политики, в том числе главную из них – о природе человека как существа политического, – а также о природе политического в обществе.

Ряд авторитетных антропологов (С. Надель, Е. Лич, Ж. Баландые) были категоричны в своих суждениях о политической природе примитивных экзотических сообществ, что доказывает, по их мнению, естественно-политическую природу человека (как это и предлагал в свое время Аристотель). Когда рассматривают примитивные общества, в них всегда находят следы организационного единства. Нет общества без управления, – отмечает Ж. Баландые, – и политическими можно назвать любые институты, которые обеспечивают единство человеческой организации [2. С. 184]. Однако и у этой точки зрения были оппоненты. Поскольку в примитивных обществах отсутствует политическая организация и нет политических групп (социальные предпосылки для этого еще не созданы), то понятие «политический», считают они, применить к таковому нельзя¹.

Между тем если, действительно, нельзя говорить о наличии политических институтов у примитивных народов в современном понимании, то, тем не менее, нельзя отрицать, что всякое экзотическое общество так или иначе организовано. Оно управляется вождями или советом старейшин, в нем осуществляется власть и время от времени происходит ритуальный или революционный передел властных полномочий, что свидетельствует о политичности его устройства. Вместе с тем примитивные общества не являются «за-

---

¹ Например, антрополог В. Маклойд, работавший с юроками в Калифорнии, так и не нашел у них политической организации, а Б. Малиновский, исследовавший австралийских аборигенов, писал, что политические группы у этих примитивных племен отсутствуют [7. С. 94].

ствившими», им свойственна динамика традиционных структур и общественных отношений в рамках развития противоречий между «обычаем» и «конфликтом», «порядком» и «восстанием». Все это позволяет характеризовать эволюцию общественных форм примитивных обществ как политическую. В конечном итоге антропологом удалось убедить научное сообщество в своей правоте. Сегодня мы не сомневаемся, что даже первые примитивные объединения людей были пронизаны политикой, потому что человек по природе своей есть существо политическое.

Сущность «человека политического» сегодня, конечно, изменилась, она стала более глубокой и многообразной. Да и сама политика как основная категория, раскрывающая сущность политического бытия, наполнилась более глубоким содержанием. В самом общем плане политика теперь рассматривается как процесс, в рамках которого люди создают, сохраняют и обогащают нормы своего общежития [7. С.3]. (Это все тот же смысл человеческого бытия как бытия общественного, то есть коллективного). Однако при этом политика стала пониматься в единстве трех взаимосвязанных аспектов:

- 1) как сфера общественной жизни;
- 2) как один из видов социальной активности;
- 3) как тип связанных с властью социальных отношений (между индивидами, малыми и большими социальными группами).

В **первом аспекте** она рассматривается как организаторская и регулятивная сфера общества среди таких же, как сама политика, подсистем большой сложности (то есть, экономики, идеологии, науки, религии, культуры и т.д.). Такое выделение политики позволяет провести границы между «человеком политическим» и «человеком экономическим», «человеком религиозным», «человеком науки» и т.д., поскольку в этом смысле политика,

как определенная сфера общества имеет свои «пределы». Взаимодействуя с другими такими же, как она, подсистемами, политика, однако, не может заменять их, так как каждая подсистема функционирует по своим собственным законам и в достижении своих целей осуществляет свою собственную, имманентную только ей политику.

Во **втором аспекте** политика выступает как вид социальной активности, которая в самом общем смысле «...представляет собой замысел какой либо задачи, связанный с определением цели, выбором времени и места деятельности, рассчитанной на получение результата, обеспеченной необходимыми ресурсами, подбором сторонников и участников процесса и нейтрализацией вероятных противников» [4. С.16]. В этом смысле политика представляет собой ту искомую универсалию бытия, которая раскрывает природу человека как существа политического, реализующего себя в любой сфере общества. Через труд человек связан с экономической, через многообразные формы общения – с социальной, а через культуру – с духовной сферами общества, где проводит особую, присущую только данной сфере политику. Между тем, политика присутствует повсеместно, в любой сфере человеческого бытия.

Что касается **третьего аспекта**, то он связан с проблемой власти, объяснение которой в интересующем нас смысле наиболее глубоко дал М. Фуко. Он отмечал, что власть не локализуется в собственно политической сфере, она преследует нас всюду: в семье, в школе, в университете, в больнице, в клубе. Всюду мы сталкиваемся с асимметрией влияния, выражающейся в том, что А влияет на Б сильнее, чем Б на А. Власть, таким образом, выступает как универсальное общественное отношение, и именно здесь в стремлении к власти содержится понимание сущности человека как

существа по своей природе «политического» (вспомним Ф. Ницше).

Однако в ходе информационной революции и процессов глобализации все меняется. Каким же образом «взрыв» современной информационной революции повлиял на «человека политического»? Нет сомнения, что информационная революция невероятно расширила регулятивные и организационные возможности человека, одновременно ослабив его власть и влияние. Возникли новые формы социального взаимодействия, социального контроля и социальных изменений. Все это прежде всего сказалось на самой природе общества. Появилась возможность радикальных разрушений его социальных институтов, которые обеспечивали устойчивость общества и создавали механизм «целесодействия». Достаточно вспомнить 1990-е гг. в нашей стране, когда СМИ стали основным инструментом ликвидации монополии КПСС, а организуемые ими выступления значительной части гражданского общества против государства привели к сегментации, «параду суверенитетов» и, в конечном итоге, разрушению Советского Союза.

Демократия традиционно основывалась на признании четко определенной общественной сферы, пронизанной солидарными и коллективистскими связями. Теперь они разрушены и человек индивидуально, благодаря современным информационным технологиям, подключается к абстрагированным от него центрам управления. Глобализация и укрупнение собственности, гибкость и всеобъемлющий характер информационных технологий – все это бросает вызов не только государству, но и человеку, по природе своей политическому. Когда речь идет о решении важнейших экономических, экологических, социальных, политических и духовных проблем, мы наблюдаем размывание суверените-

та. Суверенное государство оказалось включенным во всемирную сеть и вынуждено сокращать свои полномочия. Мы вступили в мир информационной политики, когда основным политическим пространством стали массовые средства информации. Без использования новых информационных технологий нельзя завоевать и удержать власть, вне СМИ возможна только маргинальная политика.

Деструкция «человека политического» возникает в нынешней политической ситуации еще и в силу неравномерности информационных потоков. Сообщества, обладающие властью и богатством и многократно усиленные благодаря современной информационной революции, не допускают в свой круг значительные сегменты общества, регионы и даже страны. Вот почему информационная эра характеризуется подъемом различных форм национализма, широким распространением расизма и ксенофобией, появлением религиозного фундаментализма и международного терроризма. Социальные, политические и экономические основы сферы обитания компьютерно неграмотных, обездоленных групп и удаленных территорий подорваны, а структуры общественных связей трещат под усиленным напором вестернизации. «Когда связи прерываются полностью, – пишет канадский социолог Г.Д. Уолтерс, – и индивиды не могут более ни соглашаться, ни не соглашаться друг с другом, тогда происходит отчуждение общественных групп и индивидов друг от друга. Общество разделяется на основе дихотомического противостояния Сети и Личности» [8. С.391]. Таким образом, «человек политический», включенный в информационное пространство или отвергнутый им, но опутанный информационной сетью, в качестве существа по своей природе политического распадается.

Литература

1. *Аристотель*. Политика //Аристотель. Собр. соч. в 4 т. Т.4 – М., 1983.
2. *Баландье Ж.* Политическая антропология. – М., 2001.
3. *Василенко И.А.* Политическая философия. – М., 2004.
4. *Кравченко Н.И.* Бытие политики. – М., 2001.
5. *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат. – М., 1998.
6. *Тоффлер Э.* Третья волна /Пер. с англ. – М., 2002.
7. *Уолтерс Г.Дж.* Информационная революция //Глобалистика: Энциклопедический словарь /Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М., 2003.
8. *Хейвуд Э.* Политология /Пер. с англ. – М., 2003.
9. *Шишков Ю.В.* Информационные революции в истории человечества //Глобалистика: Энциклопедия /Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М., 2003.
10. *Юхвид А.В.* Информационное общество //Глобалистика: Энциклопедический словарь /Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М., 2003.